Обухова Н.А.

1986/2

№ 9 (1353). 1986 г. Неделя

К 100-ЛЕТИЮ НАДЕЖДЫ АНДРЕЕВНЫ ОБУХОВОЙ

ТУТ НЕ ОДНО ВОСПОМИНАНЬЕ

Стандартный жилой дом далеко от центра Москвы, стандартная малометражная квартирка. Но переступаешь ее порог — и дальше все необычно, дальше то, чего не увидишь пока ни в одном музее, о чем не прочтешь в книге. Гостю откроется одна из замечательных страниц в истории нашего театрального искусства.

...Ее образ давно стал легендой, имя — синонимом русской вокальной школы, естественно продолжающим ряд других великих имен ее современников: Шаляпина, Собинова, Неждановой. Чарующий низкий голос звучит в старых записях — их не так много, и они не так совершенны, чтобы дать полное представление об уникальном искусстве певицы. Легенда живет, передается из уст в уста, от поколения к поколению. Но, как и всякая легенда, она превращает некогда реально существовавшего человека в романтический символ. Потому памяти нашей нужна и обратная работа: от символа вернуться к человеку, за ликом увидеть лицо. Мы ищем возможности соприкоснуться с той жизнью, из которой легенда возникла. Одна из этих возможностей — письма.

«Москва. Большой театр. Обуховой». Сотни и тысячи людей любовно выводили когда-то этот адрес: студенты и рабочие, врачи и домохозяйки, моряки и летчики, генералы и рядовые. Многих из них, как и самой певицы, давно уже нет в живых. Но живут письма и возвращают нам Обухову такой, какой она была для всех ее почитателей.

Можно долго рассуждать о неповторимом меццо-сопрано Надежды Андреевны, об огромном диапазоне ее бархатного, мягкого, грудного голоса — от нижнего соль до верхнего си бемоль, о редкой певческой технике, выразительной фразировке, необычной тембровой окраске звука. Но не менее красноречивой, чем теоретические суждения, оказывается безыскусная искренность писем. Без них, пожалуй, не понять, какое место занимала Обухова в духовной жизни современников. А это ведь в конечном счете главное мерило подлинного искусства.

«Мы гордимся Вами, Надежда Андреевна. По сути дела, Вы тоже смертельно истребляете немецко-фашистских захватчиков, вливая в нас бодрость, силу, с которой мы с Вами и несем победу над врагом».

«Дорогая Надежда Андреевна! Если бы Вы знали, с каким напряженным вниманием слушали мы эту знаменитую арию... Никогда, никогда я не видел такого внимания, как на этот раз, в нашей скромной боевой землянке. Возбужденные еще недавним шумом боя, сидели ветераны войны, их суровые лица, загорелые, в пороховом дыму, смягчались, и все с восторгом слушали божественные звуки».

«От войны мы огрубели, очерствели и, пожалуй, забыли, что у человека есть такая невесомая вещь, которая называется душой. Вы своим исполнением помогли нам, напомнили нам, что мы не потеряли способности ценить красивое».

«Ваш образ пронесу через жестокие сражения — огни и воды,— и вместе мы будем победителями!»

Это — из почты войны. А сколько их было, этих взволнованных откликов слушателей, и более ранних, и более поздних! Особая пронзительная сила человеческих документов, предельно концентрирующих в себе тот эмоциональный заряд, который из года в год давал новые и новые импульсы искусству певицы и тогда, когда она украшала собой труппу Большого театра, и тогда, когда целиком ушла в концертную деятельность. Не в них ли надо искать одну из разгадок творческого долголетия Обуховой – ведь и в 75 лет, незадолго до смерти, едва выйдя из больницы, она пела — и как пела! — в вокальном кабинете А. В. Неждановой.

Человеку, не знавшему Надежды Андреевны, сказанное может показаться простой банальностью. Так ли уж важны художнику мысли и чувства рядового зрителя, что ему сплошной поток эмоций, не проясненный тонкостью профессионального анализа? Однозначного ответа быть не может, но для данного случая он бесспорен. Обухова не только бережно хранила и перечитывала бесчисленное множество писем, она захотела иметь их копии (перепечатанные и переплетенные, они составили 22 объемистых тома) — значит, была в том глубокая внутренняя потребность. И — спасибо неосознанной дальновидности певицы — сегодня, спустя двадцать пять лет после ее смерти, можно приобщиться к этой частице ее духовного наследия в доме ее верной поклонницы и младшего друга Зинаиды Владимировны Дземянко.

Но это лишь частица обширной коллекции. Афиши, десятки известных и редких фотографий, портреты, заполнившие все стены комнат, коридора и даже кухни, едва ли не полное собрание записей Надежды Андреевны, статей и рецензий, текстов радиопередач, ей посвященных, программы спектаклей и концертов, автографы, неизданные воспоминания создают особую, «обуховскую» атмосферу этого дома.

Сюда обращаются за помощью и консультацией театральные музеи Москвы и Ленинграда, журналисты, студенты-гнесинцы. Отсюда посылки с фотографиями и пластинками уходят по разным адресам: в дар Феодосийскому краеведческому музею, на корабль Балтийского пароходства, носящий имя «Надежда Обухова»...

В этом доме легко настроиться на волну прошлого: оно существует не за стеклом музейной витрины, не «по ту сторону» от нас; минувшее здесь и впрямь «объемлет живо», его можно коснуться рукой, ощутить его тепло, сегодня пережить то, что было вчера. В окружении старых снимков слушаешь рассказы хозяйки, листаешь альбомы, перечитываешь газетные вырезки, и, как мозаика, из отдельных черточек, эпизодов, штрихов начинает складываться цельная картина, прорисовываются контуры самобытного характера певицы.

Три портрета висят рядом: Ермолова, Обухова, Шаляпин. Вдруг улавливаешь не замеченное ранее сходство трех лиц: резкая, смелая лепка крупных, выразительных черт, характерная прямота взгляда, выдающая масштабность личности. И еще что-то неуловимое, трудноопределяемое, придающее всему облику особую значительность. «Величие»,— угадывая мой невысказанный вопрос, говорит Зинаида Владимировна.

Да, пожалуй, верно, величие — внутреннее и внешнее. Можно было не знать Обухову в лицо, но, встретив ее в уличной толчее, безошибочно выделить взглядом из потока людей высокую, крупную фигуру: сама походка, стать, гордая посадка головы, манера держаться, говорить со спутником — все было проникнуто особым артистизмом. А сколько было тех, вспоминает Зинаида Владимировна, кто сразу узнавал неповторимую Кармен, Марфу, Марину Мнишек, Любашу в женщине, идущей неторопливо где-нибудь по Кузнецкому или Арбату... Она едва успевала отвечать на поклоны и приветствия и каждый раз — годы не уменьшали этого удивления — недоумевала: «Что это они здороваются? Неужто знают меня?» Впрочем, встретить Обухову можно было не только в центре: она любила бродить по старым и новым московским улицам, историю и архитектуру города знала и помнила превосходно.

Новые люди вызывали ее жадный интерес. Когда Надежде Андреевне твердили, что неразумно и неосторожно пускать в свой дом всякого, кто пожелает ее видеть, она только пожимала плечами. Двери были открыты для всех, посетители шли и шли. Просили прослушать голос, дать профессиональный совет — она никому не отказывала. Хотели просто выразить ей признательность и восхищение — и случайно зашедший человек оказывался за столом с чаем и традиционными бубликами с вареньем. Но главное — она пела всем, охотно, без устали, порой до глубокой ночи, не щадя свой дивный голос, не деля гостей на избранных и малозначительных. И тогда нарушался даже строгий режим ради того главного, во имя чего он и был установлен,— ради пения.

Это шло от старой русской культурной традиции с ее искренним демократизмом, лишенным эгоистического начала. Впрочем, разве чисто по-человечески нельзя понять стремление многих артистов, ныне вдвойне загруженных, помимо театра, еще и телевидением, радио, кино, оградить себя от случайной, порой назойливой публики, крадущей редкие минуты отдыха? Поколение мастеров, к которому принадлежит и Обухова, судило иначе: их драгоценное время без сожаления отдавалось тем, кому они были интересны. За стенами театра общение со зрителем не прекращалось — личное ли, письменное.

Можно ли откликнуться на сотни писем почитателей таланта, ежегодно составляющих почту популярного артиста? Обухова отвечала всем. В упорядоченном регламенте ее дней всегда находился час-другой для писем. Ответы были не только содержательными, но и действенными. После смерти Надежды Андреевны осталась пухлая пачка квитанций — денежные переводы, бандероли с лекарствами отправлялись тем, кто нуждался в помощи. Устроить незнакомого человека на прием к светилу медицины, отправиться домой к автору тревожного письма с предложением помощи — это обычные эпизоды в жизни Обуховой.

Такая способность к состраданию, лишенная всякой позы, такая открытость чужой беде — одна из главных черт русской интеллигенции. Не материальное наследие получила и прочно усвоила эта женщина из весьма обеспеченной семьи, но культурное, нравственное, через поколения восходящее к ее прадеду, поэту Е. А. Баратынскому.

Преемственность отчетливо просматривается и в другом — в отношении Обуховой к главному делу ее жизни. «Она любила свой голос»,— говорят знавшие Надежду Андреевну. Слова эти не должны смущать: речь не о самодовольстве — о бережности к инструменту своего творчества; у скрипача не только руки, но и скрипка, у художника — мольберт, краски, кисти, холст, у певца — один лишь голос. Отсюда ее жесткая самодисциплина, педантично соблюдавшийся режим, наконец, обязательность репетиций перед каждым выступлением, как бы ни была отшлифована и отработана партия или концертная программа.

Отсюда же и строгая, почти аскетически сдержанная манера исполнения. На концертной эстраде царствовал только голос, ему одному было подвластно все, и он почти не нуждался в аккомпанементе мимики и жестов.

Зинаида Владимировна добавляет: Обухова не только любила, но и уважала свой голос. Потому она сумела вовремя расстаться с оперной сценой, перейдя к новому амплуа — камерной певицы, потому не позволяла себе браться за произведения, не соответствовавшие ее возрасту и индивидуальности. Композитор С. Кац вспоминал, как Обухова, будучи уже в годах, отказалась включить в свой репертуар его «Провожальную» песню, хотя вначале спела ее «с листа» с таким блеском, что автор оторопел. «Не поверит мне народ,— сказала она,— песня-то для молодой казачки». Фраза, невзначай брошенная певицей, приобретает для нас весомый смысл ее творческого кредо.

В Москве нет музея или мемориальной квартиры Обуховой. Но есть люди, которые в память о ней собираются вместе вот уже двадцать четыре года подряд 6 марта и 17 августа, в день ее рождения и в день похорон. Собираются у Дземянко.

Раньше это была старая квартира в центре, в иные памятные дни вмещавшая до девяноста человек. Теперь возможности хозяйки поскромнее: две небольшие комнатки, отдаленный район, и приглашения на «обуховские» вечера уже не рассылаются, как прежде: кто помнит, тот и придет. Традиция «открытых дверей», принятая когда-то в доме самой Надежды Андреевны, привилась и здесь; рекомендаций незнакомому человеку не требуется.

Но народу по-прежнему собирается много, во всяком случае больше, чем может поместиться в гостиную, и кому-то приходится, увы, стоять в коридоре. Приезжают не только на метро и трамвае, есть и такие, кто вначале добирается самолетом и поездом из Ленинграда, Свердловска, Баку, Одессы, даже с Дальнего Востока. В разные годы тут можно было встретить М. Максакову, И. Андроникова, Т. Синявскую, Г. Борисову, С. Гиацинтову, Ц. Мансурову, С. Бирман, В. Обухову, В. Левко, Н. Исакову, В. Казанского...

«Обухова и Большой театр», «Обухова на радио», «Обухова и Чайковский», «Редкие записи Обуховой» — тема вечера каждый раз новая и требует тщательно разработанного сценария, опытных ведущих. Первую встречу, в 1962 году, вела известная певица Е. А. Степанова, позже ее сменяли видные музыковеды Г. Поляновский, К. Аджемов, И. Бэлза, дикторы радио и, конечно, сама Зинаида Владимировна, инициатор и организатор этих вечеров.

...Соберутся здесь и в этом году, 6 марта, как обычно. И будут вспоминать, делиться впечатлениями, размышлять, спорить. И будет звучать под иглой проигрывателя обуховский голос. Но как бы много их ни пришло, их все равно будет очень мало. Потому что тех, кто хотел бы разделить с ними радость встречи с певицей, приобщиться к их празднику, неизмеримо больше. И гостеприимному дому Зинаиды Владимировны эту проблему не разрешить.

Совершенно очевидно, что в Москве должна быть создана мемориальная квартира Обуховой, как есть в столице музей-квартира Неждановой, Ермоловой. Нужен единый научный и культурный центр, где было бы собрано вместе разрозненное ныне наследие Надежды Андреевны, куда приходили бы люди встретиться с той, кто была, говоря словами Ираклия Луарсабовича Андроникова, «одной крови с Пушкиным и Чайковским, с Глинкой и Лермонтовым, с Тютчевым и Рахманиновым».

Галина ЧЕРМЕНСКАЯ.

НА СНИМКАХ:

● *Народная артистка СССР Н. А. Обухова.*

● *Обухова в роли Марфы в опере «Хованщина».*